
ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

УДК 159.9

ТРАНСФОРМАЦИЯ МАРГИНАЛЬНОГО СТАТУСА КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Белобородов Дмитрий Владимирович,

доктор философских наук,

профессор кафедры философии и общегуманитарных дисциплин

ФКОУ ВО Самарский юридический институт ФСИН России». Россия, г. Самара.

ORCID ID 000-001-8271-5648. E-mail: beloborodov-dmitriyy@rambler.ru

Аннотация. В данной статье изучается проблема маргинальности тюремной субкультуры, в частности исследуются особенности ее специфики в отношении к обычной криминальной субкультуре преступного мира. Также автор пытается определить: какое место занимает криминальная мораль в современном российском менталитете, почему она демаргинализируется и обретает популярность в широких массах нашего населения.

Ключевые слова: маргинальность, криминальная субкультура, нравственно-этические ценности осужденных, профилактика преступлений.

Изучение проблемы маргинальности тюремной субкультуры затрагивает прежде всего принципиально важный вопрос о том, чем ее специфика отличается от обычной криминальной субкультуры преступного мира? Разобравшись в нем, можно уже двигаться дальше и постараться определить, какое место занимает криминальная мораль в современном российском менталитете.

Дело в том, что исторически представления о контрастно-негативном отношении субкультуры к классической культуре сложились с 1950-х годов с научных работ социолога Дэвида Рисмена, который вывел понятие субкультуры как социального меньшинства, преднамеренно избирающих ценности и стиль поведения, отвергаемый большинством. Немного позже Дик Хебдидж в своей книге «Субкультура: значение стиля» также исходил из этой концепции, полагая, что субкультуры привлекают людей недовольных общепринятыми стандартами (в СССР такие группы людей называли «неформальными объединениями молодежи»).

Таким образом, субкультура стала восприниматься учеными прежде всего как маргинальное образование, оппозиционное к традиционным ценностям общенациональной и общечеловеческой культуры как таковой. Именно поэтому в первые субкультуры записали молодежное движение хиппи (даже при их толерантности и пацифизме), определяя их маргинальность в том, что они выступали за легализацию курения марихуаны. В 1970-1980-е годы социологи выделили субкультуры панков и металлистов, исповедовавших политические принципы анархии и культы личной свободы, понимаемой как вседозволенность. К ним прибавились готы, культура городского хипхопа или рэперов. А в 2000-х годов появились эмо и киберпанки. Также некоторые исследователи относят сюда футбольных фанатов и люберов («качков») как представителей особой спортивной субкультуры. Именно последние с успехом пополняли многочисленные Солнцевские или Ореховские ОПГ, активно используясь лидерами пре-

ступного мира в криминальных войнах. Иногда «качков» называли «гопниками», но что интересно, в официальной социологии и философии криминальная субкультура никогда не именовалась «субкультурой», а проходила под термином «контркультура», что еще более усиливало ее маргинальность.

Вместе с тем, достаточно жесткое отрицание маргинальности присуще науке авторитарных культур. Например, феодальному обществу (западная средневековая Европа), исламскому государству (Иран, Афганистан, Саудовская Аравия), или тоталитарному государству светского типа (КНДР, Куба, КНР, бывший Советский Союз и т.д.). С изменением исторического типа социокультурного менталитета неизбежно меняется оценка субкультур.

Стало быть, если говорить о том, что современная российская культура – это культура постмодернизма, где стирается грань между нормой и патологией, и мы уже действительно вошли в это состояние полицентризма без иерархии, то тогда выносить суждения о маргинальности какой-либо субкультуры уже не имеет смысла. Ибо нет того центра, фундаментальной точки отсчета, относительно которого можно исчислять этот край. Более того, без нормы нет преступления, отступления от нравственного принципа. А значит, нет и его нарушения, проступка, отступничества, измены, предательства, лицемерия и т.д. В этом случае существование такого института как ФСИН постепенно теряет свой смысл, так как непонятно за что наказывать?

Все это значит, что былые представления советских юристов о сущностной маргинальности криминальной субкультуры в реалиях современного мира существенно устарели, поскольку по своему идейно-содержательному контенту российская криминальная субкультура не просто шире понятия «правового нигилизма», но и даже отрицает его.

Во-первых, если развести понятия «закон» и «право» по принципу «закон – это то, что граждане должны государству», а «право – это то, что государство и члены общества должны гражданину», то воровская мораль отрицает действующий официальный закон (то, что преступники что-то должны государству), но не отрицает права (того, что государство должно им). Так что по сути дела это не правовой нигилизм, а правовой эгоизм со всеми вытекающими последствиями.

Во-вторых, воровское право не приемлет релятивизм, ибо криминальная мораль в основе своей груба, крайне прямолинейна, по своей исторической аналогии феодальна и потому отрицательно воспринимает постмодернизм с его уравнительной толерантностью и нравственной относительностью поступка. Так, например, при возникновении конфликтной ситуации в криминальном бизнесе ни один серьезный преступный авторитет не будет вставать на чужое место и смотреть на сложившуюся ситуацию с другой стороны. «Правильный вор» чужд лицемерию и двойным стандартам. Он противостоит всему, что было сделано в преступном сообществе не по правилам, и наказывает провинившихся на «правило».

Вместе с тем, «воровское право» не есть воровской «закон», ибо преступная организация отличается от организационной структуры органов правозащиты даже не столько отказом от следования общепринятым законам (свои собственные законы поведения в виде так называемых понятий есть и в воровской среде), сколько отсутствием в ней кодификации: четкой определенности такого рода законов. Сам по себе преступный мир деbüroкратизирован и это позволяет ему принимать более оперативные решения, опережающие действия сотрудников полиции, которым нужны санкции, согласования, полномочия и т. д.

В те времена, когда общественная мораль и сопровождающая ее законодательная система становится условной, формальной, не обязательной к исполнению, ее неизбежно заменяет та сила, которая, согласно идеям Ф. Ницше, может утвердить новые принципы мироустройства. А это происходит потому, что «разочарование в какой-

либо идеологической системе требует немедленного заполнения возникшего вакуума... «Крестный отец» Марио Пьюзо стал мгновенным мировым бестселлером только благодаря своему высокому качеству, тем не менее и он внедряет в сознание читателя, что «в суде нет правды» и за ней надо обратиться к местному «крестному отцу», смотрящему за районом, криминальному авторитету, «решальщику» и т.д.» [1, с. 16].

Однако организованная преступность в отличие от государственной власти не обладает одним важнейшим системообразующим свойством. Когда проблему приходится решать не по закону, а по понятиям, совершенно не ясно, что они из себя представляют. Ведь в отличие от закона, воровская мораль **некодифицирована** и не обладает той качественной определенностью, которая может быть заложена в основу логики правовой системы. А на практике криминальный менталитет проявляет себя как некая субъектоцентристская феодально-монархическая структура, построенную на ручном управлении системой и принципом верности сильному вождю.

Вместе с тем, в современной массовой культуре, определяющей состояние текущего национального менталитета Российского государства, доминирует не только устойчивое представление о том, что **лишь преступник может исправить преступника**, вынудить его вести себя хорошо. Если посмотреть на то, как позиционируется психология сотрудников МВД в кинофильмах «Карпов», «Пятницкий РОВД», «Ментовские войны», «Высокие ставки», «Канцелярская крыса», «Реализация» и ряде других популярных топовых сериалов на телеканалах НТВ и ТНТ, то мы заметим, что там для служителей закона становится моральным оказывать протекционизм незаконному криминальному бизнесу и даже убить своего коллегу, если он выражает несогласие с такими нравами. Создается впечатление, что убить, ограбить, обобрать кого-либо ради денег и власти – это сегодня вполне нормально. Сделать это при помощи злоупотребления статусом сотрудника ФСИН, ФСБ или МВД – это еще более продуманное решение, поощряемое массовой психологией российских граждан. На этом фоне старый воровской криминал оказывается лишь малозначимым и крайне дешевым субподрядчиком для более высокопоставленных в иерархии преступной среды «оборотней в погонах».

Поэтому если ни УСБ, ни ФСБ, ни суд, ни прокуратура не в состоянии наказать «продажных ментов», то монополию на совершение правосудия берет на себя либо какая-нибудь подпольная организация («Меч», «Белая стрела»), либо частные лица («Ворошиловский стрелок»), либо авторитетные воры. В итоге создавшаяся **патология уничтожается маргиналами**. Неправильных «оборотней в погонах» отстреливают «правильные воры».

Нетрудно предположить, что данный факт будет вызывать сомнения у некоторых представителей юридических наук, на основании того, что в качестве аргументации используется апелляция к художественным фильмам, являющимся продуктом творческого вымысла сценаристов. Однако современная маркетинговая политика медиахолдингов базируется на проведении соцопросов среди таргет-групп, и новый телесериал будет запущен в кинопроизводства только при поддержке зрительских симпатий. То есть, если большинство зрителей нашей страны не верит в то, что основную массу сотрудников российских правовых органов составляют честные, справедливые, умные и порядочные люди, то подобного рода герои (прототипы Жеглова, Шарапова, Томина, Знаменского, Дронго, Каменской и т.д.) просто не появятся на экранах телевизоров.

Любопытно и то, что парадоксальность данной запутанной ситуации далеко не надумана, а ее психологические установки опираются на конкретные опросы физических лиц. Так, например, Н. Олейник, осуществляя сравнительный анализ пенитенциарных систем России, Казахстана и Франции, указывает, что уровень доверия к администрации исправительных учреждений в России – 19,9 %, в Казахстане – 25,3 %, в то время как во Франции он выше в 2-3 раза и составляет 59,3 % [2, с. 195]. Это обусловлено тем, что коррумпированность западноевропейской правоохранительной системы

значительно ниже, чем в РФ, и отношение к ней характеризуется озлобленностью и недоверием.

Для 59 % осужденных граждан в Российской Федерации представления о правоохранительных органах после следствия и суда ухудшились, лишь 5 % верят в справедливость российского правосудия, сомневаются в нем 25 % и только 8 % согласны с тем, что наказание будет способствовать исправлению осужденного [3, с. 21–22]. То есть лишь незначительное число опрошенных лиц считает, что можно доверять людям в погонах, или что легальная власть в лице правоохранительных органов действует в точном соответствии с законом и имеет под собой определенную нравственную и гуманистическую основу.

Дело в том, что физически тюрьма есть иерархически выстроенное сегментированное пространство, в котором **крайне ограничены возможности горизонтальной мобильности** (свобода передвижения по самым разнообразным территориям). Поэтому если на воле преступники более менее свободны в пространственных перемещениях, а сами вольны выбирать себе поделщиков и собеседников, то, находясь в изоляции исправительных учреждений, осужденные вынуждены находиться вместе с «блатными» или «опущенными» лицами на одной территории.

Стало быть, главное отличие тюремной стратификации от гражданской заключается в ее ограниченной горизонтальной и социальной мобильности. Пенитенциарный режим искусственно ограничивает внутреннюю (передвижение по территории тюрьмы из камеры в камеру) и внешнюю (перевод из одной тюрьмы в другую) горизонтальную мобильность. В тюремном пространстве движение социальных лифтов по стратификационным слоям в направлении снизу вверх более затруднено, а из низшего слоя («опущенные») в средние («мужики») невозможен. Если в гражданском обществе социальные институты предпринимают меры по борьбе с нищетой и подъему малоимущего андеркласса в средние слои населения (то есть вышестоящие социальные слои помогают нижестоящим – инвалидам, одиноким многодетным матерям, беженцам, бомжам, наркоманам и т.д., стимулируя процесс их социальной реабилитации), то в тюрьме этого не происходит. Ни «блаткомитет», ни «мужики», согласно моральным нормам тюремных понятий, не имеют права «держат мазу», вступаться за «опущенных». Это считается «западлом» (недопустимо для их статуса).

Вместе с тем, каждый преступный авторитет утверждает на своей территории свои представления о «воровских понятиях», а поскольку последние не кодифицированы, то криминальная мораль субординирована нравственно-этическим принципам мировоззрения единичного феодала, а не общим законам, продолжающим функционировать после смены лидера государства.

Романтический герой «блатного мира» – герой-индивидуалист, поэтому «круговая воровская порука» – это долг перед своими ради себя. А другой человек – поделщик – есть средство реализации исключительно личных интересов. Правильность поступков вора исходит не от внешних понятий, а от него самого. Долг перед «своими», верность «воровской идее» прямо противоположна чувству самопожертвования или самоотречения и подчинена персональным ценностям свободы. Однако на практике мера справедливости поступков «правильного вора» прямо пропорциональна его личной выгоде. То есть «авторитет» справедлив ровно в той мере, насколько ему выгодно быть справедливым, поскольку воровские законы не кодифицируемы, а значит, производны от его личности.

Вместе с тем, в современной России процветает наивность деструктивного самоутверждения, явленная в популярном образе блатного «правильного пацана», демократичного, но не наивного. Для того, чтобы более подробно разобраться в сути такой ситуации, мы разберем несколько фрагментов из очень редкостного интервью с кумиром российской эстрады 1990-х годов – М. Кругом. Интервью, интересного прежде все-

го тем, что, как правило, от исполнителей и авторов песен в жанре шансона трудно ожидать каких-либо серьезных, концептуальных высказываний об их месте в пространстве современной культуры.

«– Вы верите, что распространенные в России ныне блатные «понятия» в значительной мере совпадают с кодексом чести настоящего мужчины «вообще»? Или они лишь спекулируют на «общечеловеческих» благородных правилах? Или «честный вор» – это миф?

– Почему миф? Старый Вор мне сказал: «Как по-людски, так и по-воровски». Это тот случай, когда нет силы, стоящей за твоею спиной. В этом мире вор – это человек, который рассчитывает только на себя. Против него весь аппарат, начиная от самой высшей юриспруденции и заканчивая надзирателями. Он один против этой системы. Виноват он по государственному закону... Но есть закон Людской. Закон, который придумали наши предки. По юридическому закону жена имеет право на половину хозяйства мужа. Но вся родня мужа знает, что это не так. Что она может выйти замуж из-за выгоды. Но люди, пренебрегающие людскими законами, нравами, устоями... Че ты хочешь! Они также заседают и в судах, и в политике, и в государственной власти. А вор может правильно судить, если ему дать полномочия, у него больше шансов – за ним люд. А доверия к прокурору нет... За депутатами тоже якобы люд: «электорат». Но ведь народ быстро понимает, что его обманули. Все, каюк! И дальше за этим пол-литником-«пол-литриком» уже... только система. Но по сути – вакуум.

– «Люд» – это «братва». А простой народ, вернее посторонний, воры тоже «не обманывают»? В отличие от политиков.

– Честного труженика – нет. Слишком уж простой, слишком уж хитрый – да, но не надо быть, повторяю, слишком гнилым и слишком простым. И это не обман, иное.» [4, с. 19].

Демократизм вора проявляется в его противостоянии власти, но этот протест не имеет ничего общего с моделью западноевропейского протеста наивного человека, желающего через возврат к святой естественной простоте обрести подлинную свободу. В российской культуре против власти идет не человек свободы, а человек силы, серьезный, жестокий, «тот, в ком ищет опору люд». И хотя понятие силы носит у М. Круга максимально широкий характер (сила ума, сила воли, сила духа и т. д.), его взгляд на феномен наивности однозначен: «не надо быть, повторяю, слишком гнилым и слишком простым. И это не обман, иное».

То есть путь к простоте не может достигаться посредством реализации каких-то надежд и абсолютно не входит в пространство цели. Наивность ассимилятивна, тяготеет к стабилизации постоянного ощущения одномерной, неприращенной реальности. Она не может точно структурировать серьезное проблемное пространство возможного и потому при столкновении с непредсказуемыми ситуациями в жизни лишается гибкости, решительности, оперативности.

Вместе с тем, стремление к отождествлению с ненаивным имиджем «серьезного вора» наивно. Это продукт рецептивных проекций из массовой мифологии в СМИ, усиленный и переработанный в киноиндустрии, а затем возвращенный обратно. Конформистская капитуляция перед силой породила ощущение безысходности в нашей стране победившей коррумпированной бюрократии, сопровождающееся при этом чувством бессмысленности любых реформ и революций, основанных всего лишь на кадровой смене элит, но не на гуманизации по сути своей безнравственной власти. Главное место в нашей культуре занял серьезный, инициативно-волевой человек, рвущийся к обладанию абсолютным лидерством. **Человек, испытавший за свою жизнь немало страданий, но в тоже время не страдающий от сострадания** к ближнему (как это ранее имело место, к примеру, в романах Ф. Достоевского). А это значит, что совре-

менной ценностью человеческого бытия вместо сострадания стало **страдание как испытание**.

Этот печальный итог есть следствие усиливающейся деградации классической правовой культуры, которая влечет за собой демаргинализацию тюремно-криминальной субкультуры и перестраивает ее ценности. В иерархии социальной морали справедливый субъективный поступок «правильного вора» оказывается выше, чем пассивное бездействие продажного сотрудника МВД, чье лицемерие выглядит гораздо более омерзительным. Именно поэтому повсеместная борьба с коррупцией в правоохранительных органах имеет не только сугубо практическое, но и высокое морально-идеологическое значение, имеющее своей целью сохранение глубинных основ национальной российской культуры.

Список литературы

1. Новиков В., Москвитина М. Социально-психологические причины привлекательности блатной романтики для несовершеннолетних осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – № 9. – 2015. – С. 16.
2. Олейник А. Н. Пенитенциарная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. – М.: ИНФРА-М, 2015. – С. 195.
3. Додуева О. Ф. Современное состояние субкультуры осужденных в исправительных учреждениях // Социальные отношения. – 2018. – № 1 (24). – С. 21–22.
4. Замкнутый Круг – песни вокруг // Вечерний разговор. – Ноябрь. – 2001. – С. 19.